

PHILOGICA PARERGA

СТАТЬИ ПО ЭТИМОЛОГИИ

И ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ

Rechonca gladio ceu pugnans tenor acuto
Causas civiles dimmens: hominum quoq; lites.
Prouens callens: interdum falsa reponens.
Faus instacide latet: simplex insimplice claret
Tullius in tropicis fert in me: premia laudis
Verbis astutus, ceu regimine lincis operus
Supra scriptarum: sum tertia quippe sororum
He que non pro munt per me cursim patefiunt:

К. Г. Красухин

PHILOGICA PARERGA
СТАТЬИ ПО ЭТИМОЛОГИИ
И ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2015

УДК 811.1
ББК 81.2-3
К 78

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 15-04-16101

Красухин К. Г.

К 78 Philologica parerga. Статьи по этимологии и теории культуры. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 512 с. — (Studia philologica.)

ISBN 978-5-94457-234-9

В книгу вошли работы, публиковавшиеся автором в 1994—2015 гг. В них рассматривается происхождение слов, обозначающих важнейшие понятия человеческой жизни и культуры: *время, человек, слово, смысл, имя* и т. д. В ряде статей реконструируются фрагменты картины мира и древнейшей истории индоевропейцев: представление о небе, первичные миграции, особенности поэтики. Особое внимание уделяется таким понятиям, как культура, цивилизация, этика. Исследуются отдельные сюжеты античной и русской литературы: понятие античности как типа культуры, творчество поэтессы Эринны (IV в. до н. э.), история русских и советских песен. В особый раздел вынесены очерки, посвященные большим лингвистам прошлого и настоящего.

УДК 811.1
ББК 81.2-3

ISBN 978-5-94457-234-9

© Изд-во «Языки славянской культуры», 2015
© К. Г. Красухин, 2015

Научное издание

Константин Геннадьевич Красухин

PHILOLOGICA PARERGA.

СТАТЬИ ПО ЭТИМОЛОГИИ И ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ

Корректор О. Ланцова. Оригинал-макет подготовлен Е. Андреевой
Художественное оформление переплета И. Богатыревой
Подписано в печать 13.11.2015. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Гарнитура Times. Усл. печ. л. 32. Тираж 600. Заказ №

Изд-во «Языки славянской культуры» № госрегистрации 1037739118449.

Phone: 8 (495) 624-35-92 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com

Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис». Тел.: +7 (499) 255-77-57

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Часть I: Miscellanea	13
1. Этимология, концептуальный анализ, реконструкция культуры	15
Три модели индоевропейского времени на материале лексики и грамматики	17
Три историко-семантических этюда об индоевропейском человеке	33
Заметки об истоках комического	43
Этимология индоевропейских числительных и концепт числа	53
Представление о небе у древних индоевропейцев	69
Лошади, ослы и индоевропейцы в Малой Азии	83
Заметки о развитии греческого алфавитного письма	99
2. Слово и смысл	109
Язык богов, язык людей, имя в индоевропейской поэтике	111
<i>Слово, речь, язык, смысл</i> : индоевропейские истоки	119
Свое и чужое	145
3. Культура и этика	153
Фактор адресата и выбор диалекта в древнегреческой словесности	155
Античность и современность	169
Эринна: из лингво-стилистического комментария	181
Чины и награды в русской литературе	195
Из истории советских массовых песен	209
Забывшие поэты, известные стихи	221
Культура и цивилизация	231
Золотое правило этики: от Конфуция до Канта	239
«Не послушествуй ложна на друга своего»: ложь и клятва в Евангельской этике	253

4. PERSONALIA	259
Б. А. Серебренников как компаративист	261
Фердинанд де Соссюр (к 150-летию со дня рождения).....	281
Филипп Федорович Фортунатов (1848—1914).....	291
IN MEMORIAM.....	307
Школа, не попавшая в струю: Олег Сергеевич Широков (21.II.1927—19.XII.1997), общее и индоевропейское языкознание	309
Поэт знака и смысла: Юрий Сергеевич Степанов (8.VII.1930—3.I.2012)	319
«За честь науки фехтовальщик»: Владимир Константинович Журавлев (3.VI.1922—10.III.2010).....	329
Сократ, аристократ с Красных Ворот: Энвер Ахмедович Макаев (28.V.1916—31.III.2004)	339
Часть II: Откуда есть пошло слово.....	349
Слово и время (Вместо введения).....	351
Бог. Господь	361
Бытие. Естество	365
Время	371
Век. Человек.....	381
Правда. Истина	384
Мир	391
Добро. Благо. Зло. Лихо	395
О выражении «злоба дня».....	403
Воля. Свобода	404
Смерть.....	409
Жизнь.....	412
Здоровье	414
Славяне	415
Русь. Россия.....	422
Свет. Цвет	432
Победа. Беда.....	436
Сила. Мощь	441
Зима. Весна. Лето. Осень.....	445
Город	450
Скорбь. Тоска. Печаль. Грусть.....	455
Смех. Хохот. Улыбка. Ухмылка. Радость.....	461
Жесткость. Жестокость	464

Вор	471
Вурдалак. Упырь	476
Из истории советского языка	483
Паразит	483
Элемент	487
Стихия	489
Бригада	492
Дополнения	499
Об одном четверостишии у Тютчева	499
Фонетические законы русского языка	500
Значение и значимость слова (для тех, кто прочитал книгу до этих строк)	504
Литература	509
Литература по теме	511
Основные словари	512

ПРЕДИСЛОВИЕ

Около 30 лет автор этих строк занимался по преимуществу морфологией и синтаксисом индоевропейских языков прежде всего в сравнительно-историческом и диахроническом аспекте. Но изучение таких языков, как санскрит, древнегреческий, латынь, дает импульс к обобщениям не только чисто лингвистического характера. Именно на них были созданы тексты, лежащие в основе мировых культур и цивилизаций. Интерес к вопросам культуры стимулировала и учеба на классическом отделении филологического факультета МГУ, где латинская и греческая грамматика успешно подкрепляются чтением великих поэтических и философских произведений и дополняются подробными курсами не только древнегреческой и римской литературы, но и философии, искусства, древней истории. Кроме того, лингвист, работающий с древними индоевропейскими языками, как правило, не может пройти мимо этимологии. Это не значит, что он будет предлагать свои решения в этой науке, но он всегда будет иметь в виду родственные связи своего родного языка с другими. Отмечая их, он задумается о механизме образования новых слов, о связях слов с понятиями. Таким образом этимология неизбежно приводит и к анализу концептов — их смене в истории слова и нахождению того первоначального смысла, который лежит в основе именованья¹. Он, в свою очередь, ведет к вопросам о природе концептов, их роли в формировании языковой картины мира. Слово оказывается неразрывно связано с культурой.

Важную роль в моей жизни сыграла работа в Отделе теоретического языкознания под руководством академика РАН Ю. С. Степанова. Юрий Сергеевич получил широкую известность в России и за рубежом именно как выдающийся знаток и исследователь концептуальной сферы языка². Особенно важна его фундаментальная работа «Константы:

---

¹ «Этимология — это наука, которая старается выяснить, что означало данное слово в момент возникновения» [Пизани 1956: 16].

² О моем знакомстве с этим замечательным человеком см. главу «Поэт знака и смысла».

Словарь концептов русской культуры», вышедшая тремя изданиями (1997, 2001, 2004) и удостоенная премии РАН им. В. И. Даля. Концепты рассмотрены на самом широком фоне — от их этимологии до реализации в языке, литературе, искусстве, естественных науках. Такой подход может служить образцом и вдохновляет на междисциплинарные исследования, в которых лингвистика связана с литературой и философией. Непосредственным поводом для написания многих из представленных в данном сборнике статей явилось сотрудничество с член-корреспондентом РАН Н. Д. Арутюновой. Нина Давидовна последнюю четверть века тоже увлеченно занимается концептуальным анализом; она посвящает исследованию отдельных понятий и областей не только собственные публикации, но и конференции в рамках своей проблемной группы «Логический анализ естественного языка». Работа с Ю. С. и Н. Д. побудила написать ряд статей об этимологии слов, обозначающих важнейшие понятия культуры.

Неразрывная связь концепта и культуры приводит к тому, что исследователь задумается над общими вопросами философии. Так появились статьи «Культура и цивилизация» (сб. «Андрогинность дискурса: Материалы рабочего совещания» / Сост. Ю. А. Сорокин, В. Н. Базылев. М., 2000), «Золотое правило этики: от Конфуция до Канта» («Сокровенные смыслы: Сборник в честь Н. Д. Арутюновой» / Отв. ред. Ю. Д. Апресян М., 2004), с дополнением, посвященным 9-й заповеди (сб. «Между ложью и фантазией» / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2007). При публикации первой статьи по техническим причинам пропало посвящение памяти моего однокурсника и друга Михаила Владимировича Тростникова (1962—2000), филолога, много размышлявшего и писавшего о теоретических вопросах поэтики и сопряженных с ней философских проблемах.

Будучи лингвистом *par excellence*, я задумывался и о литературе, по преимуществу русской и античной. Изучение греческих диалектов оказалось сопряжено с проблемой жанров в греческой литературе, так как многим жанрам соответствует свой особый диалект. В классической филологии хорошо известен термин «гомеровский диалект» (он же — эпический наддиалект), на особом диалекте написаны хоровые партии в драме. Этому посвящена статья о факторе адресата в греческой поэзии. О сохранившихся текстах Эринны (IV в. до н. э.) я написал дипломную работу (1984 г.). В ней рассмотрены по преимуществу вопросы этимологии и грамматики, но незаурядные (при всей их краткости) стихотворные тексты вызвали желание осмыслить их поэтику. Я с благодарностью вспоминаю Ирину Владимировну Шталь (1934—

2006), выдающегося исследователя древнегреческой архаики, вдохновившую меня на соби́рание моих наблюдений в отдельную работу. Также выражаю глубокую признательность Рустэму Анасовичу Гимадееву, тщательно отредактировавшему и подготовившему к изданию сборник «Ранняя греческая лирика» (СПб., 1999), где моя статья опубликована.

Естественно, у любого гуманитария, профессионально изучавшего античность, возникает желание осмыслить ее феномен, уяснить, насколько она актуальна в наши дни. Так появилась статья «Античность и современность» (расширенный фрагмент из предисловия к книге Л. Л. Звонской и В. П. Нерознака «Античное наследие в современной культуре». М., 2013).

В изучении культуры важную роль играет обращение к деталям быта, в которых культурные феномены отражаются не прямо, но вполне однозначно. В выдающейся книге В. В. Похлебкина [Похлебкин 1994]³ рассмотрен так называемый кулинарный антураж русской литературы, по преимуществу драматургии. Оказалось, что знание блюд, которые едят и о которых говорят героини произведений, способствует более глубокому пониманию замысла автора. В семиотике это известно под именем *бриколажа* (от франц. *bricoler* ‘играть рикшетом; говорить уловками’; термин К. Леви-Стросса): детали культурной картины мира выражают смысл с помощью намеков и отсылок. Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров называют такие детали *кодом*. Таким кодом, или антуражем (термин не столь значим), оказалась и система чинов и орденов. Она много значила в жизни России, и литераторы уделяли ей много внимания. История советских песен, особенно заимствованных, оказалась связанной с историей советского общества, его ценностями и устремлениями. Вместе с тем песни обладают удивительной особенностью: они могут сохраняться, даже если фамилия их автора забывается. Заманчива задача — восстановить память о талантливых поэтах, создавших незаурядные, остающиеся на слуху тексты.

Раздел *Personalia* посвящен отечественным лингвистам. Б. А. Серебренников был яркой личностью, активным участником многих идеологических схваток. Он отличался высокой принципиальностью и твердостью в отстаивании своей позиции. Роль Фердинанда де Соссюра в становлении современного общего и индоевропейского языкознания общеизвестна. В статье, опубликованной к его 150-летию («Вопросы филологии». 2006. № 1), мне хотелось подчеркнуть, что

---

³ Расширенное переиздание этой книги: Из истории русской кулинарной культуры. М., 1998.

благодаря посмертной публикации «Курса общей лингвистики» его научную физиономию представляют несколько иной, чем она была в действительности. До сих пор можно встретить оборот типа: «Соссюр подчеркивал примат синхронии над диахронией». Но это делали его ученики — Шарль Балли и Альберт Сеше, а сам Соссюр был по преимуществу индоевропеистом. Ф. Ф. Фортунатов во многом превосходил развитие мировой грамматической мысли. Многие его открытия в сравнительном языкознании до сих пор не утратили значения. Статья о нем представляет расширенный доклад, сделанный на заседании Ученого совета Института языкознания РАН (октябрь 2014), посвященном 100-летию со дня смерти великого ученого, созванном по инициативе Владимира Михайловича Алпатова.

С четырьмя учеными, очерки о которых завершают книгу, я был знаком лично. Причем не просто знаком: эти люди оказали на меня большое влияние. Настоящим учителем я могу считать О. С. Широкова — как формально (научный руководитель с 3 курса до кандидатской диссертации), так и фактически: мудрый старший товарищ, чья поддержка помогала в трудные времена. О работе под руководством Ю. С. Степанова я уже кратко упоминал, более подробно — в посвященной ему статье. Также многим я обязан В. К. Журавлеву и Э. А. Макаеву — замечательным ученым, эрудитам, ярким личностям.

Вторая же часть — «Откуда есть пошло слово» — представляет собой переработанный вариант моей научно-популярной книги, вышедшей в 2006 г. в издательстве МГУЛ, а в 2008 г. — в издательстве «Наука». Представилось целесообразным приложить рассказ об истории и этимологии слов, важных для русской языковой картины мира.

Сердечную благодарность приношу Д. В. Димитриеву за помощь в решении ряда технических вопросов при подготовке данного сборника к печати.

ЛИТЕРАТУРА

Пизани 1956 — *Пизани В.* Этимология. М., 1956.

Похлебкин 1994 — *Похлебкин В. В.* Кушать подано! М., 1994.

ЧАСТЬ I

MISCELLANEA

**1. Этимология,
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ,
РЕКОНСТРУКЦИЯ КУЛЬТУРЫ**

Три модели ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ВРЕМЕНИ НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ И ГРАММАТИКИ*

1. Человек отличается от животного способностью к планированию и моделированию своей деятельности, а также к воспоминаниям. Реакция животного на прошлое обычно предстает в форме условного рефлекса, предписывающего однозначную реакцию на раздражитель и не допускающего осмысления ни раздражителя, ни рефлекса. Связь с будущим иногда осуществляется через так называемый инсайт (от англ. *insight*) — внезапное принятие решения в нестандартной ситуации. В случае ее повторения инсайт может сформировать новый условный рефлекс. Но условный рефлекс — это реакция на регулярное воздействие внешней среды, а инсайт связан только с непосредственным будущим, формирующимся в настоящем. Подлинное, цельное восприятие прошлого (т. е. память) и способность на его основании моделировать будущее, планировать в нем свою деятельность — это характерная черта человека. Восприятие будущего — основа всякой целенаправленной деятельности, а память — культуры.

Итак, человек воспринимает время. Но время, в отличие от пространства, нематериально и не доступно ни одному из пяти органов чувств. Однако оно является базовой категорией языка. Когда мы говорим, мы предикцируем (это тавтология, ибо *praedicare* и означает «возвещать»). Предикцируя же, мы обязательно соотносим высказывание с моментом речи, хотя иногда это соотношение может быть не выражено явно. В этой связи отметим, что иногда наличие темпорального слова позволяет отличить предикативное высказывание

---

* Впервые опубликовано в: Красухин К. Г. Три модели времени в лексике и грамматике (на материале древних индоевропейских языков) // Логический анализ естественного языка: Язык и время / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1998.

от непредикативного. Так, выражение *Старик в тулупе* может быть атрибутивным и предикативным; *Старик уже в тулупе* — сугубо предикативно (пример Д. Н. Шмелева). Поэтому вопрос о выражении времени в языке приобретает особую значимость для языкознания.

2. Как любая нематериальная вещь, время выражается с помощью материальных метафор. Анализ соответствующей лексики в основных индоевропейских языках позволил выявить три базовых представления о времени. Их можно охарактеризовать так: внешнее время (время как пространство), внутреннее время (время как жизненная сила), субъективное время (время как желание, мысль и т. д.).

3. Время как пространство — это довольно сложная система обозначений, включающая в себя несколько подсистем.

3.1. Время как мера. Сюда относится прежде всего лит. *mėtas* ‘время, возраст’, мн. ч. *mėtai* ‘год’; др.-исл. *ár-tali* ‘месяц’ дословно означает «считающий годы», причем *ár-* сопоставляется с хетт. *arma* ‘луна, месяц’, а *-tali* — с англ. *tell*, нем. *Zahl*. С лит. *mėtas* сопоставимо др.-англ. *með* ‘время, размер’, гот. *mel* ‘время’. В основе этих лексем лежит корень **met-*, **meh-* ‘измерять’ (др.-инд. *māti*, *mimāti*, лат. *metior*). Др.-исл. *ár-*, хетт. *arma* образованы от и.-е. **ar-* (греч. *ἀραιόσχω* ‘слаживать, связывать’), их соотношение с нем. *Jahr*, англ. *year* будет рассмотрено ниже. К той же модели относятся и прочие германские названия времени: др.-исл. *tíð*, *tími* (дат., швед. *tid*), др.-англ. *tid*, *tima* (англ. *time*), нидерл. *tijd*, др.-в.-нем. *zīt* (нем. *Zeit*). В основе всех этих лексем лежит прагерманское **ti-* (с детерминативами *-m*, *-t*) < **dai-*, ср. др.-инд. *dayate*, греч. *δαίωμα* ‘делить’ (того же корня и греч. *δαίμων* ‘божество, дух-покровитель’, этимологически — «податель»). Лат. *tempus* К. Бак [Buck 1949] сравнивал с лит. *tempti* ‘тянуть’. Однако Э. Бенвенист, опираясь на семантику производных глаголов (*temperare* ‘умерять, ограничивать’), предположил, что значение предела было для этого имени первично [Benveniste 1940]. Следовательно, это имя можно сравнивать с и.-е. **tem-* ‘резать’ (представленным также в греч. *τέμενος* ‘надел’, лат. *templum* ‘священная роща’). Тот же изосемантический ряд репрезентируют некоторые кельтские наименования: кимр. *pryd*, бретон. *prid*, корн. *prid* < **k^urt-* ‘резать’, др.-инд. *kṛtati*, греч. *κείρω*, лит. *kirsti*, также *kaĩtas* ‘раз’, слав. *крать*. К корню со значением ‘резать, наносить насечки’, по-видимому, относится и слав. *чась*. Фасмер [Фасмер 1986—1987] сравнивал его с *caiatu*, Бак — с др.-инд. *cinoti* ‘показывать’, Черных [Черных 1993: II] — с **ke(i)-* ‘двигаться’ (др.-инд. *ceṣṭati* ‘шевелиться’, греч. *κίω* ‘идти’, *κινέω* ‘двигать’, лат. *cieo*). Однако эти сопоставления не раскрывают морфологических связей сравниваем-

мых слов; два последних, кроме того, не вполне убедительны и фонетически. Напротив, сравнение с и.-е. **kes-* ‘резать’ (ср. русск. *чесать*, *косить*, *касаться*) объясняет и конечное *-s*. Это корневое имя с продленной ступенью корня, ср. суффиксальное *часть* < **kes-ti*. Возможно, греч. *χρόνος*, не имеющее общепринятой этимологии, производно от *χράω* ‘царапать’, *χραίνω* ‘задевать, касаться’. Бак, впрочем, сравнивает это имя с др.-инд. *harati* ‘держат’, а также оск. *heriad* ‘да возьмет’. В этом случае имя *χρόνος* должно быть отнесено в следующую подгруппу. Возможен еще один этимологический ряд, который должен перевести это имя совсем в другую модель. О нем — несколько ниже.

3.2. Время как цельная часть пространства, так сказать, содержимое границ. Здесь прежде всего необходимо отметить лит. *laikas* ‘время’, связанное с *laikyti* ‘держат’. Этот глагол есть каузатив к первичному *likti* ‘оставлять’; ср. греч. *λείπω*, лат. *re-linquo*, др.-инд. *rinákti*, а также слав. *отлькъ* ‘остаток’, русск. *лихо*, *лишний*, *лихва* (последнее считается германизмом [ЭССЯ: вып. 15], ср. гот. *leihvan* ‘ссужать’; впрочем, П. Я. Черных [Черных 1993] считает это неубедительным). В греческом этот корень также образует темпоральное имя: *λοιπόν* ‘будущее’ (субстантивированное прилагательное от *λοιπός* ‘оставшийся, остаток’, т. е. его внутренняя форма означает «остающееся при избытке прошлым и настоящим»). Разница в значении одного по сути этимона в литовском и греческом объясняется тем, что в последнем ни один из вариантов корня **leik^u*- не приобрел значения ‘держат’. Итак, лит. *laikas* — это ‘время’ как нечто взятое, удержанное, заключенное в пределы.

3.3. Время как движение. К этой группе относятся основные русские имена времени: *время* (заимствовано из ц.-слав. *врѣмѧ*) есть древний помен actionis от корня **uert-* ‘двигать, поворачивать’ (*вертеть*, *вращать*, *ворочать*). Славянское имя находит непосредственную параллель в др.-инд. *vartman* ‘бег, судьба’. Таким образом, этимология слова *время* запечатлела представление о циклическом движении. Напротив, *пора* есть производное от **per-* ‘двигаться вперед’: русск. *переть*, *напирать*, др.-руссск. *прати*, греч. *πεῖρω* ‘действовать; двигаться’. К этому же корню относятся и другие части речи: имена типа слав. *пръвъ*, лит. *pirmas*, лат. *primus*, греч. *πρώτος*, предлоги и приставки типа русск. *пере-*, *про*, ц.-слав. *прѣ-*, лат. *pro*, *prae*, греч. *περί*, *πρό*, *παρά*, др.-инд. *pari*. Особенно интересно значение греч. *πóρος*. Это не только «путь», но и «судьба». Таким образом, этимология имени *пора* воплощает идею линейного движения¹. Такой же изосемантический

¹ Е. С. Яковлева [Яковлева 1994: гл. 2] считает, что имя *время* обозначает в русской языковой картине мира линейное время, а *пора* — циклическое.

ряд привел к образованию др.-ирл. *trath* ‘период времени’. Это имя сопоставимо с кимр. *trawd* ‘бег, путешествие’ и в конечном итоге восходит к и.-е. **ter-* ‘двигать(ся)’, ср. др.-инд. *tárati*, греч. *ἔπορον* ‘я победил’. Спорным остается вопрос о др.-инд. *ṛtú* ‘время’. Это имя может быть соотнесено с корнем **ar-* (см. выше) и *ṛá* ‘закон’ или же с глаголом *ṛóti* ‘идти, отправлять’.

3.4. Переходными к второй группе являются слова, обозначающие период времени с помощью наиболее характерных событий, в нем заключенных. Так, слав. *день*, лит. *dienà*, лтш. *diena*, прусск. *deinan*, др.-инд. *dina*, лик. *zini* восходят к и.-е. **dei-* ‘сиять’. Этот же корень отразился и в наименовании неба и верховного божества индоевропейцев: др.-инд. *dyaus*, греч. *Ζεύς*, лат. *Jup-iter*, умбр. *Ju-pater*, ст.-лат. *Diespater*², а также *dies* ‘день’ и *divum* ‘небо’. Значение ‘сиять, блестеть’ репрезентирует др.-инд. *dīvyati*, *dyótati*. Гот. *dags* и нем. *Tag* суть отглагольные имена, связанные с и.-е. **dhegh-* ‘гореть’, ср. др.-инд. *dáhati*, лит. *dègti* ‘жечь’ (слав. *дегъть*, *жъгъж*). В Геттингенской рукописи немецко-прусского словаря С. Грунау зафиксировано также *deigan* ‘день’, в Карольской рукописи то же слово передается как *deyen* [Mažiulis 1981: 58]. Но наличие формы *deinan* (I Катехизис, 5, 10), фонемно соответствующей лит. *dienà*, заставляет предположить в обеих упомянутых рукописях просто описку. Слав. *ноишь*, лит. *naktis*, лат. *nox*, греч. *νύξ*, хетт. *nekut*, возможно, находится в родстве с и.-е. **nek-* ‘вредить, убивать’: лат. *necare* ‘убивать’, *nocēre* ‘вредить’, греч. *νεκρός* ‘мертвый’. День — светлое время, ночь — зловещее, сопряженное со

Если бы это было так, то мы были бы свидетелями самой удивительной семантической эволюции: имя циклического времени стало обозначением линейного и наоборот. В действительности же *время* и *пора* соотносятся друг с другом как более широкое и более узкое понятие. *Пора* есть время наступления какого-либо состояния / события (*пора надежд и грусти нежной*), время реализации явления, человеческих способностей, природных процессов (*пришла, прошла моя пора; пришла пора, она влюбилась*). Поэтому *пора* может приходиться и уходить, а *время* также идти, бежать, течь. *Пора* в отличие от *времени* никогда не персонифицируется; оно также не употребляется во множественном числе. На связь же *поры* с циклическим временем исследовательницу, очевидно, натолкнуло то, что это имя часто обозначает природные повторяющиеся процессы. Но, на наш взгляд, *время* и *пора* в современном русском языке вообще не связаны с концептом циклического и линейного времени. Впрочем, эта тема выходит за рамки статьи.

² Как показал Кл. Штрунк [Strunk 1982], лат. *Juppiter* и умбр. *Ju-pater* репрезентируют древний вокатив, а *Diespater* — номинатив. Последний характеризовался продленной ступенью вокализма.

смертью. По сходной модели образованы и имена времен года, которых в праиндоевропейском, очевидно, было три [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 853]. И.-е. **gheim-r/-nt* (лит. *žiemà*, лтш. *ziema*, хетт. *gimmanza*, др.-инд. *hemantah*, авест. *zuâ*, род. п. *zimo*, греч. *χειμών*) изначально означало ‘снег, буря’: лат. *hiems* — не только ‘зима’, но и ‘ливень, холод’; ср. греч. *χειμα* ‘снежная буря’; с иным суффиксом — также и *χιών* ‘снег’. И.-е. **ues-r/-n(-t)* (слав. *весна*, лит. *vāsara* ‘лето’, др.-инд. *vasantaḥ*, греч. *ἔαρ* (Ἔσ-αρ), лат. *ver*) может быть связано с **ues-* ‘хороший, добрый, благоприятный’ или **us-* ‘гореть, пылать’; о корне **iēr-* см. ниже. И.-е. **e/os-n-* (русск. *осень*, прусск. *assanis*, хетт. *zena*) обозначало, собственно, ‘жатва, урожай’ (гот. *asans*, др.-в.-нем. *aran*, нем. *Ernte*, др.-исл. *önn*). Особенно показательно греч. *ὀπώρα*, восстанавливаемое как *оп-осара, дословно ‘после-жатва’. Наименование времени по характерной деятельности запечатлено также в лат. *sae-culum* (< *sē-tlom, ср. *sero* < *si-so ‘сеять’, ср. хетт. *ishai*, слав. *сѣяти*), греч. *ἀμολγός* ‘вечер’ (= ‘время дойки’, *ἀμέλω* ‘доить’). Таким образом, пространственные имена времени описывают пространство исчерпывающим образом. Они указывают на основные его черты — мерность, протяженность, цельность, членимость, а также на осуществимость в его пределах движения и прочей деятельности.

4. Вторую модель времени репрезентирует прежде всего и.-е. **aiu-* ‘жизнь, сила’: др.-инд. *áyuṣ* ‘жизнь’, греч. *αἰών* ‘сила, жизнь; век’, лат. *aevum* ‘век’ (*aeternus* ‘вечный’), гот. *aīws* ‘время; вечность’, нем. *ewig* ‘вечный’. Следует заметить, что у Гомера *αἰών* означает по преимуществу ‘жизненная сила, покидающая героя в момент гибели’. Ср.: *αὐτὸς δὲ φίλης αἰῶνος ἀμέρθηης* (Ил. 22, 58) ‘и ты лишишься своего века’ (= «своей жизни»); *ἔπειτά με καὶ λίποι αἰῶν / ἐν πόλει ὑμετέρῃ* (Ил. 5, 685) ‘когда бы покинула меня жизнь в вашем городе’. Также: *αὐτὰρ ἐπὴν δὲ τὸν λίπη ψυχὴ καὶ αἰῶν* (Ил. 16, 453) ‘и когда покинут его (Патрокла) душа и жизнь’. Только у Гесиода появляется новое значение ‘век, эпоха’ (= ‘жизнь поколения’). В сознании же человека гомеровского времени *αἰών* — это прежде всего жизнь именно отдельной особи. («Ибо срок, объемлющий время жизни каждого отдельного [существа, срок], вне которого [нельзя найти] ни одну из его естественных [частей], они называли “веком” каждого»³). По-настоящему обобщенное значение «эпоха» появляется у Платона, «вечность» — у Аристотеля: «По аналогии с этим и полный срок [существования] всего Неба,

³ Аристотель. О небе. 279а // Аристотель. Сочинения / Пер. А. В. Лебедева. М., 1981. Т. 3. С. 293.

и срок, объемлющий целокупное время и бесконечность, есть “Век” (*αἰών*), получивший наименование вследствие того, что он “Всегда есть” (*ἀεὶ ὄν*) — бессмертный и божественный⁴. Ср. также у Еврипида: *πολλὰ γὰρ τίχτει Μοῖρα τελεσιδωτέρῳ Αἰών τε Χρόνου παῖς* (Нег., 898—890) ‘ведь многое рождает дающая всему осуществиться Мойра (Судьба) и Айон, сын Хроноса (Времени)’. Подробнее о греч. *αἰών* см. [Дружинина 1983].

Латинское *aevum* ‘век’, по-видимому, имело сходное значение. Об этом свидетельствует производное *aetas* (< *aevitas*) ‘срок, возраст, поколение’, а также ‘буря, непогода’ (т. е. особо выделенное время). Из всех этих примеров видно, что и.-е. **aiu-*, в отличие от пространственно-временных слов, обозначал время человека, явления или события, не текущее постоянно и равномерно, а способное прекращаться и прекращать существование того предмета, к которому оно относится. Внешнее время соответствует ньютонову представлению о нем, а внутреннее — эйнштейновскому.

Время в теории относительности анизотропно. Наименование внутреннего времени репрезентирует и эту черту. Корень **aiu-* Э. Бенвенист [Benveniste 1937] сравнивал с **ieu-* ‘молодой’: лат. *iuvenis*, слав. *юнь*, лит. *jaunas*, нем. *jung*, англ. *young*, др.-инд. *yuván* ‘юноша’⁵. (Эту этимологию, правда, отвергает О. Н. Трубачев, который выводит этот корень из и.-е. **ieu-* ‘мять, месить’ [ЭССЯ: вып. 8, s. v. **junь*].) Таким образом, понятие «жизнь, сила, вечность» оказываются связаны с «молодостью», т. е. временем наивысшего проявления жизненной силы.

Изосемантический ряд можно наблюдать в слав. *вѣкъ* и родственных индоевропейских словоформах: лит. *veikùs* ‘быстрый’, *veikti* ‘действовать’, *vaikyti* ‘гнать’, лтш. *veikt* ‘совершать’; др.-исл. *veig* ‘сила’, *víg* ‘борьба’, гот. *weihan*, др.-в.-нем. *wigan* ‘бороться’ (нем. *überwiegen* ‘одолевать’). Сюда же относится ряд далеко разошедшихся латинских слов: *vincere* ‘побеждать’, *per-vicax* ‘упрямый’, *vix* ‘едва, с трудом’, *vicis* (род. п. от **vix*; также *vicem, vice, vicibus*) ‘смена; судьба’. Первич-

⁴ Аристотель. О небе...; *ἀεὶ ὄν* точнее перевести как «всегда сущий».

⁵ В своем устном сообщении от 14.X.1995 на Семинаре по итальяским и индоевропейским языкам (Гарвардский ун-т) Б. Фортсон сопоставил с этим корнем также лат. *Iuno* (и его итальяские соответствия). Тем самым имя верховного итальянского божества может быть интерпретировано как «(вечно) юная: носитель постоянной жизненной силы».

ное значение ‘жизненная сила’ переходит, с одной стороны, в семантему ‘борьба, победа’, с другой — ‘судьба; отрезок жизни; время’.

Значение ‘жизненная сила’ первично и для русск. *вѣкъ*. Оно лучше всего сохранилось в таких производных, как *оувѣкъ*, *оувѣчьнь*, т. е. ‘немошный, лишенный жизненной силы’. Значение ‘жизнь’ хорошо диагностируется в таких оборотах, как *заестъ чужой век, дай бог веку*. Ср. также укр. *вік* ‘возраст’. «Время существования» демонстрирует словосочетание *до веку*, «время Вселенной» — *от века, вечный*, «время наивысшего проявления чего-либо» — *век Перикла (Виктории, Екатерины)*: это не время жизни указанных правителей, а время их правления. Наконец, *век* может означать и «эпоха». Любопытно, что древнерусское *вѣкъ* могло обозначать и «тысячелетие»: *тысяча лѣтъ врѣмя вѣкъ же господьскій глаголется* (Великие Минеи-Четьи, Янв. 6—11, 497, XVI в.). Очевидно, это слово именовало наиболее крупный в данной системе временной промежуток.

С другой стороны, можно предположить и родство слав. *вѣкъ* с лит. *vaikas* ‘ребенок’, лтш. *vaiks* ‘то же’. Эта несомненная параллель косвенно подтверждает правомерность сравнения и.-е. **aiu-* и **ieu-*. По-видимому, элемент **uoik-* присутствует и в имени *человѣк*. Наиболее правдоподобная этимология предполагает здесь словосложение: *чело-* соотносится с *челіадь*, а также *коло*, *колѣно* (в значении ‘род’), *поколен-иѣ*. Таким образом, этимологически *человек* может интерпретироваться как «сын племени, окружения, поколения». Другие этимологии этого имени менее вероятны [Фасмер 1986—1987; ЭССЯ: вып. 4]. Попутно заметим, что соотнесение *века* и *человека* очень популярно в русской поэзии. Такая рифма четко организует содержание стиха. В нем речь идет либо о параллелизме *века* и *человека*: *...два-три романа / В которых отразился век / И современный человек / изображен довольно верно...* (Пушкин), либо об их конфликте: *Как часто мимо вас проходит человек / Над кем ругается слепой и буйный век...* (Он же). Древнейшая этимологическая связь имен *век* и *человек* регенерируется на поэтическом уровне⁶.

По косвенным данным значение «жизненная сила» может быть восстановлено и для корня **uet-* ‘год’: греч. *ἔτος*, албан. *ujet*. Производные от этого корня означают ‘старый’ (лат. *vetus*, лит. *vėtušas*, лтш. *vecs*, слав. *ветѣхъ*) и ‘молодое живое существо’ (лат. *uitulus* ‘теленок’, др.-инд. *vatsa* ‘молодое животное’).

⁶ Более подробно об этой рифме см. [Красухин 1998].

5. Третья модель времени представлена прежде всего общеславянским и его производным *година* (укр. *година*, блр. *гадзына*, макед. *година*). Первичное значение восстанавливается и на славянской почве: *годить-ся*, *у-годить*, *при-годный*, *вы-года*. Общеславянское **godъ* означает ‘хороший, добрый, полезный’. То же значение репрезентируют и внеславянские соответствия: албан. *ngeh* ‘благоприятный случай’, гот. *gops*, др.-в.-нем. *guot*, нем. *gut*, англ. *good*. Другое темпоральное слово из этой группы — **doba* ‘время, пора’, блр. *доба* ‘пора, сутки’, русск. диал. *д́оба* ‘время, пора’, *доба* ‘возраст’, чеш., словац. *doba* ‘то же’. Это имя находится в этимологической связи с *удобный*, *по-добать*, *по-доб-ный*, *с-доба*, а также с *добро*, *доблесть*, др.-русск. *доблиш*. Ср. лат. *faber* ‘кузнец, творец’, арм. *darbin* ‘кузнец’. Темпоральное значение развилось у лит. *dabaĩ* ‘теперь, сейчас’⁷.

5.1. К модели субъективного времени можно предположительно отнести имена, связанные семой «мысль». Так, гот. *þeihs* ‘время’, др.-англ. *þing-gameorc* ‘измеряемое время’ Бак сравнивал с др.-исл. и др.-англ. *þing* ‘судебное собрание’, возводя его к и.-е. **tenk-* ‘тянуть’. В таком случае эту группу можно сравнивать и с нем. *Ding*, англ. *thing* ‘вещь’ (этимологически — ‘протяженное’). С другим детерминативом (или с другой акцентуацией) эти темпоральные имена могут быть сопоставлены также с *denken* и *think*, а также с оск. *tanginom* «sententiam» ‘решение (суда, народного собрания)’. По-видимому, оба этимологических решения не противоречат друг другу. Гот. *hweila*, др.-в.-нем. *hwila* (нем. *Weile*) сопоставляются с лат. *quies* ‘покой’, *tranquillus* (< **transquis-lo-*) ‘спокойный’. Но они могут быть также сопоставлены с и.-е. **k^ui-* ‘упорядочивать, понимать’, ср. др.-инд. *cinoti* ‘замечать’, *cetati* ‘понимать, обнаруживать’, слав. *чѣтити*, *чинь* ‘порядок, ряд’. С представлением о субъективном времени, по-видимому, связано и обозначение времени как высказанного: русск. *срок*, укр. *рік* ‘год’.

6. Для некоторых темпоральных слов не устанавливается однозначная этимология, что, естественно, затрудняет их отнесение к той или иной группе. Мы уже упоминали греч. *χρόνος*. Помимо указанных выше этимологий, его можно сравнить и с *χραίνω* ‘нуждаться’. Не прояснено и другое темпоральное слово — *καίρός*. Э. Бузак сравнивал его с *κνυέω* ‘встречаться, случаться’ [Boisacq 1916], Бак — с *κείρω* ‘резать’. Спорна этимология и слав. *іаро* ‘весна; лето’. По мнению О. Н. Трубочева, этот корень омонимичен *іарь*, причем оба этимона

⁷ По-видимому, лит. *dabaĩ* представляет собой гетероклитическое имя в наречной функции, так же соотносящееся с *доба*, как **uedor* с *вода*.

сблизились еще в праславянском. Для *jaro, а также нем. *Jahr*, греч. ἔτος ‘год’, ὥρα ‘время, пора’ предполагается родство с и.-е. **ei-/ie-* ‘идти’ (ср. лит. *jóti*, др.-инд. *yáti*); *jarь ‘горячий, крутой’ возводится к **ieu-* ‘варить, перемешивать’: греч. ζωρός ‘крепкий, чистый, жгучий’ (о вине), ζωμός ‘похлебка’, лат. *ius*, лит. *jūšė* ‘то же’, слав. *юха* [ЭССЯ: вып. 8, s.v. *jaro и *jarь]. Но для обоих этих корней можно восстановить общее значение «горячий, сильный» [Ларин 1977: 91—95]. Нечто подобное репрезентирует и греч. ὥρα: не только «время, пора», но также и «весна, цветение» (νέα ὥρα ‘весна’), ср. дериват ὠραῖος ‘зрелый’, н.-греч. ‘прекрасный’. Думается, что нет оснований разделять *яро* и *ярь*; трудность представляет только определение первичной семантики корня. Возможно, в данном случае имела место контаминация нескольких корней. Помимо указанных О. Н. Трубачевым **ior-* ‘движение’ и **iour-* ‘горячий’, следует, по-видимому, учитывать и *(*i*)*ar-* ‘соединять, слаживать’, ср. тох. В *yarm* ‘мера’, арм. *yarman* ‘случившийся’, греч. ἄρθρον ‘связь, сустав’, ἄρμα ‘колесница’. Что же касается корня **ieu-*, то ему посвящено обстоятельное разъяснение В. Н. Топорова [Топоров 1994: 483—485]. По мнению исследователя, с этим корнем связаны **aiu-*, **ioun-*, **ious-*, также др.-инд. *yauti* ‘соединять’, лит. *jáuti* ‘мешать, смешивать’ (отметим также *jaiŭkti*, *jaiŭgti* ‘то же’), лат. *iuvare* ‘помогать, быть благосклонным’, слав. *jutiti, причем такие однокоренные имена, как *уют*, *приют*, показывают, что первичное значение этого корня — ‘помогать’. Для общеиндоевропейского **ieu-* восстанавливается общее значение ‘перемешивать; увеличивать’ с дальнейшим развитием значения ‘соединять, укреплять; быть поддержкой, полезным; быть приятным’, с тем же комплексом связан и концепт крови (о.-слав. *juxa) как вечно циркулирующей и дающей жизнь субстанции. В применении к нашим моделям времени можно полагать, что весь указанный комплекс корней (**ier-*, *ieu, **aiu-*) обозначал взаимовлияние и взаимопереход концептов внутреннего и субъективного времени.

С разбираемыми корнями могут быть связаны также греч. ἥρωας и Ἥρα. Н. Н. Казанский [Казанский 1989] предположил, что эти традиционно не сопоставлявшиеся имена находятся в родстве; с ними же связано и имя микенского божества *tiriseroe* (Τῖρισ-ἥρωει) [PY Fr 1204, Tn 316] — дательный падеж. Оно образовано по той же модели, что и Τῖρισ-μέγιστος ‘Трижды-величайший’. Имя же Ἥρακλῆς, по мнению Н. Н. Казанского, полностью соответствует слав. *Яро-славъ* и представляет, таким образом, древний композит-формулу, не учтенную Р. Шмиттом [Schmitt 1967]. Сходные соображения несколько раньше

высказал Д. Адаме [Adams 1987]: *ἥρως* производно от *Ἥρα* по словообразовательной модели *πατρῴος, μητρῴος, δμιῴος*; с корнем **Hier-* связано также греч. *εἰρήνη / ἰρήνη* «спартанец 13—14 лет»; с другими детерминативами и без них — греч. *ἡβη* «юность», *ἡβάσχω* «расти», лит. *jėgà* «сила» < **iegʷa*; др.-инд. *yatu* «колдовство», хетт. *iemi* «я делаю». Все эти соображения позволяют восстановить индоевропейский корень **ier-* «жизнь, сила, движение, произрастание» (вероятно, производный от **ie-* «пускать(ся), идти»). В развитии значений корня свою роль сыграла контаминация с **ieui-* «перемешивать, разогревать», **(i)ar-* «соединять, слаживать».

7. Итак, время как пространство, или внешнее время; время как жизненная сила, или внутреннее время; время как желание, мысль, или субъективное время — три основных способа представления этой категории в языке. Они свойственны не только древнему сознанию. История слов, сравнительно поздно получивших темпоральное значение, подтверждает существование указанных выше моделей. Так, греч. *ἐποχή* первоначально означало «остановка, задержка» и только в византийский период приобрело новое значение «период времени», заимствованное европейскими языками. Лат. *aera* — это множественное число от *aes* «медь»: в классической латыни эта форма была малоупотребима, но, поскольку *aes* приобрело значение «медная монета», то *aera* у Аммиана Марцеллина (IV в. н. э.) стало означать «деньги; оплата; счет». Только у Исидора Севильского (570—636 гг. н. э.) в исторических сочинениях появляется новое значение «год, (большой) период времени», которое и является актуальным для многочисленных заимствований. Как ни различны темпоральные слова по происхождению, они приобретают сходные значения в поле времени. Время — одна из важнейших характеристик окружающего мира, и оно может быть отождествлено с другими важными характеристиками. Поэтому темпоральные слова могут обозначать и погоду. От лат. *tempus* произведено *tempestas* «буря, непогода»; само же *tempus* развило в романских языках дополнительное значение «погода» (франц. *temps*, итал. *tempo*, испан. *tiempo*). Русское *время* в диалектах тоже приобретает значение «погода; непогода» (*Каково время? — Ясно, дождь, снег.* В. И. Даль). Другая важная особенность темпоральных слов — их нежесткая связь с календарными и астрономическими периодами времени. Наиболее показательны сопоставление русск. *год* и *година* «пора, время свершения», а также укр. *година* «час». Ср. также греч. *ἔρα* — *ἔρος* «год», *ἔννε-ἔρος* «девятiletний»; также русск. *лѣто* в значении «лето» и «год».

8. Три рассмотренные модели времени находят параллели в грамматических выражениях времени.

8.1. Пространственное грамматическое время — это время, обозначенное с помощью дейктических средств. Дейктические элементы сформировали одну из подсистем видо-временной системы греческого, индоиранского, в реконструкции также армянского глагола. Здесь презенс обозначался с помощью постфикса *-i*, по происхождению указательного местоимения с оттенком близости (ср. лат. *is*). Претерит же маркировался аугментом — приставкой **e-*, которая восходит к частице со значением ‘там’ или ‘вот, уже’. Глаголы, лишённые аугмента и презентной частицы, относились к особому наклонению — инъюнктиву, обозначавшему действию, лишённое внешних темпоральных связей. Подробнее см. [Красухин 1993], там же литература вопроса.

8.1.1. Кроме того, дейктические категории используются и в описании семантики глагольных времен. Так, в концепции Г. Гийома [Guillaume 1929] различается инхоативное время (*aller* + инфинитив, *commencer à/de* + инфинитив), курсивное время (*aller en augmentation* ‘быть в развитии’), терминативное время, указывающее на движение к концу (*finir* + инфинитив). Время описывается также в категориях протяженности — непротяженности; различаются точечное (моментивное), дуративное (стабильное, длительное), итеративное (повторяющееся) действие. Система соотнесений действия с моментом речи была предложена Гизеллой Рау [Rauh 1985]. Она включает в себя следующие дефиниции: t_1 — момент речи, t_0 — время, близкое к моменту речи, t_2 — вневременной процесс, t_3 — время, отдаленное от момента речи, t_4 — неопределенное время, t_5 — время, включающее момент речи, t_6 — вообще не определяемое время. Последнее характеризуется как время предиката, находящегося в цепочке предложений, которые описывают линейную последовательность действий.

8.1.2. К грамматическим способам можно отнести и представление действия как движения. Предикат «двигаться, идти» — один из наиболее частых при темпоральных временах. Ср. хетт. *mahanma* 7. MU^{III}A-us ueir EGIR-anda pair [Mursili's Sprachlähmung 1934: 6] ‘и пришли годы, и прочь ушли’, горачиево *Eheu! Fugaces, Postume, Postume, labuntur anni* (Carm. XIV, 1—2) ‘Увы, Постум, Постум, протекают мимолетные годы’, русск. *время течет, идет, проходим*, нем. *die Zeit ist vergangen* ‘время прошло’. Поэтому естественно ожидать грамматизации глаголов движения. Ее можно отчасти наблюдать в гомеровском обороте βῆ δ' ἰέναι / ἵμεν / ἵμεναι ‘он отправился’ (дословно — «он пошел идти»). Глагол «идти» приобрел функцию вспомогательного